

ДОСТОЕВСКИЙ И ВС. КРЕСТОВСКИЙ

Отношения Достоевского с писателем Всеволодом Владимировичем Крестовским (1839—1895) — один из наименее ясных эпизодов его биографии. Известно несколько фактов и свидетельств этих отношений, но довольно разрозненных, несистематизированных. Ряд фактов скрыт в архивных источниках и повременных изданиях прошлого века. Задача данной статьи — выстроить их в определенную последовательность, позволяющую внести некоторые уточнения в биографию Достоевского.

Знакомство Достоевского с Крестовским может быть отнесено к концу 1859 г. Молодой поэт и прозаик (Крестовский начал печататься в 1857 г.) входил тогда в литературу через кружок Л. А. Мея, где сблизился с А. А. Григорьевым. Критик на первых порах увлекся молодым дарованием и по своему обыкновению выводил его в люди. Очевидно, он и привел его на «вторники» у А. П. Милюкова, где Крестовский встретил Ф. М. Достоевского. Первый биограф Крестовского Ю. Л. Елец, основывавшийся на документальных материалах, впоследствии утраченных, и воспоминаниях самого Крестовского, с которым был знаком, писал, что тот, будучи студентом петербургского университета (с 1857 г.), познакомился вначале с М. М. Достоевским и «сразу стал в ряды поклонников» его брата, который «оказывал немало влияния на Крестовского».¹

В 1859 г., привлеченный тем же А. А. Григорьевым к участию в журнале «Русское слово» (где в мартовском номере опубликован «Дядюшкин сон» Достоевского), Крестовский с апреля по октябрь печатал стихи и рецензии в каждом номере этого журнала, внося заметную струю политического свободомыслия. Так, в июльском номере напечатано стихотворение «Геден». Библейский герой в ответ на предложение стать царем произносил следующую тираду:

О нет!.. Да узрят же потомки
Родной страны одни обломки,
Когда воссядет хоть один
Над нами дерзкий властелин!

Республиканский идеал молодого поэта столь же громко был высказан и в стихотворении «Избрание Саула» («Библиотека для чте-

¹ *Крестовский В. В. Собр. соч.:* В 8 т. СПб., 1899. Т. 1. С. VIII.

ния», 1859, № 5). Очевидно, именно такими стихами Крестовский, по воспоминанию очевидца, «производил большой фурор на студенческих сходках».² В арсенале молодого поэта были также стихи некрасовского направления «Стон земли», «Калика переходящая», «Владимирка», «Полоса» (последние два стали песнями, популярными в революционной среде). В стихотворении «Памяти пятерых» в стиле народного плача он поминает повешенных декабристов и говорит о «необязанном богатыре» — А. И. Герцене. С 1858 г., сблизившись с братьями Курочкиными, сотрудничает в «Искре».

Таков Всеволод Крестовский к моменту его встречи с Достоевским. Очевидно, он органически вписывался во «вторники» А. П. Милюкова, о которых Н. Н. Страхов впоследствии вспоминал: «Политические и социальные вопросы были тут на первом месте».³

Существенную роль сыграл Крестовский, в основном как поэт, в журнале формирующегося почвенничества «Светоч».⁴ В самом первом, программном, номере 1860 г. были напечатаны два его стихотворения: «С еврейского» (о проповеди Христа во имя «правды и свободы») и «Весенней ночью, благовонно» (из любовной лирики). В следующем номере он опубликовал стихотворение «Я б ушел от вас на берег моря». Картиная размахистость и широта русской природы, отвергающей «добрый нрав, мещанству лишь послушный, да и барабанный бой всех споров», явились здесь несомненным отражением соответствующих мотивов «последнего романтика» А. А. Григорьева (как, впрочем, и весь цикл «Хандра»,⁵ в который позднее вошло это стихотворение). Недаром в следующем, третьем, номере «Светоча» 1860 г. Крестовский напечатает посвященную Григорьеву стилизацию разбойничьего фольклора «Былина про Степана Разина Тимофеевича». Обращение Крестовского вслед за Л. А. Меем к фольклорным стилизациям (значительная часть их была затем опубликована в августовском номере «Библиотеки для чтения» 1860 г.), очевидно, еще больше сблизило его с почвенниками. Много надежд в это время возлагал на молодого поэта А. А. Григорьев. В письме к М. П. Погдину в марте—апреле 1860 г. он утверждал: «У меня есть силы < . . . > готовые работать с яростью, работать бескорыстно < . . . > для борьбы за идею народности в жизни, искусстве, науке (А. С. Героголифов, В. Крестовский). . .».⁶

Сочувствие к народу, забитому и унижаемому (например, рассказ «Любовь дворовых» в «Библиотеке для чтения». 1859. № 8), любованье народным героем (стихотворение «Жница» в «Русском слове». 1859. № 9) — весь этот некрасовский комплекс в творчестве молодого Крестовского оказался ко двору в почвенническом лагере.

² Скабичевский А. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 166.

³ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 1. С. 271.

⁴ См.: Фридлендер Г. М. У истоков «почвенничества»: (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч») // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. № 5.

⁵ Светоч. 1861. № 4.

⁶ Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917. С. 257—258.

Портрет Крестовского этого периода нарисован Достоевским в письме к А. И. Шуберт 3 мая 1860 г.: «Видел Крестовского. Я его очень люблю. Написал он одно стихотворение и с гордостью прочитал нам его. Мы все сказали ему, что это стихотворение ужасная гадость, так как между нами принято говорить правду. Что же? Нимало не обиделся. Милый, благородный мальчик! Он мне так нравится (всё более и более), что хочу, когда-нибудь, на попойке выпить с ним на ты» (28₂, 10).

Достоевский, очевидно, исполнил свое намерение. Дошедшие до нас краткие записки Крестовского к Достоевскому начала 60-х гг. — в основном дружески-шутливого характера, с обращениями типа «голубчик Федор Михайлович», «голубчик-бать Федор Михайлович», «матушка, голубчик», одна из записок — обращение на «ты» («заезжай, голубчик»).⁷ Они свидетельствуют о каком-то нежном, ласковом отношении молодого писателя к своему старшему собрату, а с другой стороны — об открытости, доверчивости Достоевского.

О каком «одном стихотворении» идет речь в письме к А. И. Шуберт? Более чем вероятно, о каком-то из цикла «Испанские мотивы», что вскоре будет печататься в «Русском мире». Скорее всего, Достоевский имел в виду стихотворение «Гитана», с которого этот цикл открывается («Русский мир», 1860, 21 сентября, № 73). Монолог испанской грешницы заключался следующим четверостишием:

Пусть позор — моя дорога
К небу в лучшие края —
Мне за то простится много,
Что любила много я.

«Позор», оказывающийся «дорогой к небу», эта сомнительная диалектика «земного» и «небесного», которую бойко осваивал молодой поэт, очевидно, вызвала недовольство Достоевского. Отголосок тех споров мы можем найти в позднейших возвращениях Достоевского к данному сюжету, начиная с «Преступления и наказания» (6, 24). В майском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. он писал по поводу речи адвоката Утина на процессе Капровой: «Г-н защитник <...> применил к своей клиентке цитату из Евангелия: „она много любила, ей много простится“.⁸ Это, конечно, очень мило. Тем более, что г-н защитник отлично хорошо знает, что Христос вовсе не за *этакую любовь* простил „грешницу“ <...> у очень многих подростков, у гимназистов (иных), у юнкеров (побольше), у прежних кадетов (всего больше) действительно вкореняется почему-то с самой школы понятие, что Христос именно за эту любовь и простил грешницу, то есть именно за клубничку или, лучше сказать, за усиленность клубнички <...> Это убеждение встречается и теперь у чрезвычайно многих» (23, 19—20). Суждение адвоката (позднее эту мысль будет смаковать Федор Павлович Карамазов — 14, 69; ср.: 15, 203, 204, 208) не могло не напомнить писателю его давнюю стычку с Крестовским.

⁷ ГБЛ, ф. 93. II. 5. 145. Л. 1—3.

⁸ От Луки, гл. 7, ст. 47—48.

Любопытно, что в черновых записях к главе «Дневника писателя» вначале говорится: «это юнкерская мысль» (24, 215), а вслед за тем круг расширяется: «юнкеров, гимназистов, кадетов» (24, 217). Всеволод Крестовский, закончивший первую петербургскую гимназию,⁹ усвоил подобный взгляд из тех гимназических быта и нравов, колоритные зарисовки которых он включил в повесть «Не первый и не последний» («Русский мир». 1861. № 30—44).

Всеволод Крестовский тогда все же напечатал свое стихотворение, хотя, очевидно под влиянием кружкового мнения, сделал к процитированному четверостишию отвлекающее примечание (он сам или близкий кружку редактор А. Героглифов): «Последние четыре стиха в стихотворении „Гитана“ выражают собою религиозный мистицизм, составляющий характеристическую черту испанских нравов».¹⁰ В позднейших изданиях Крестовский снял это примечание. Как видим, его согласие, чрезвычайно скорое и легкое, с критикой Достоевского ничуть не помешало опубликовать «ужасную гадость» всего через четыре месяца.

Круг знакомств Вс. Крестовского, человека весьма общительного и расторопного, не ограничивался почвенническим кружком. Особенно близко сходитя он в 1861 г. с редакцией журнала «Русское слово», возглавляемой Г. Е. Благосветловым. Место Крестовского в этом журнале пока явно недооценивается в исследовательской литературе,¹¹ между тем в 1861—1862 гг. он печатал здесь стихи, прозу, критические статьи почти в каждом номере. Ему принадлежит принципиальное выступление журнала о поэзии Некрасова (см. ниже). По воспоминаниям одного из участников редакционного кружка, Д. И. Писарев (знакомый с Крестовским еще по университету) буквально «нянчился» с ним,¹² — ему, как и Достоевскому, Крестовский был чем-то весьма симпатичен.

Принятый, с одной стороны, во «Времени», а с другой — в «Русском слове», Крестовский был своеобразным связным между ними; окончательная дифференциация демократических сил русского общества еще не произошла. Более того, внимательное рассмотрение публикаций Крестовского в «Русском слове» показывает, что в ряде принципиальных вопросов оба эти журнала могли тогда выступать вполне солидарно.

В первом номере «Времени» 1861 г. опубликована программная для журнала статья Ф. М. Достоевского — «Введение к „Ряду статей о русской литературе“». Центральная ее мысль — необходимость «изучения народа» и сближения с ним интеллигенции. Параллельно в первом номере «Русского слова» 1861 г. Крестовский поместил

⁹ Впоследствии (1868 г.), уже в зрелом возрасте, Крестовский вступил юнкером в уланский полк.

¹⁰ Рус. мир. 1860. 21 сент. № 73. С. 126.

¹¹ См.: *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово». 1859—1866. Л., 1966. С. 19, 97, 102. Вполне игнорирует Крестовского в своих работах о «Русском слове» Ф. Ф. Кузнецов.

¹² *Фирсов Н. П.* В редакции журнала «Русское слово» // Ист. вестн. 1914. № 5. С. 494—495.

рецензию на сборник И. А. Худякова «Великорусские сказки». Сопадения со статьей Достоевского очевидны. «Мы все-таки до сих пор очень плохо знаем народ» (18, 66), — писал Достоевский. Мы «только начинаем вглядываться в темную массу народа», — вторил ему Крестовский. «Чтоб изучить народ во всей полноте его свежих и нетронутых сил, — развивал он идеи Достоевского, — надо сперва прикрепиться к его почве, вырасти, воспитаться на ней, сжиться с его понятиями и верованиями». ¹³ Через месяц Достоевский напишет: «Доверенность народа теперь надо заслужить; надо его полюбить, надо пострадать, надо преобразиться в него вполне» (19, 7).

Кое в чем и Достоевский, и его спутник повторяли то, что уже было сказано в русской критике о необходимости «проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать ровнен с ним». ¹⁴ Но далее в оценке народности русской литературы оба отталкивались от скептического взгляда Добролюбова и упрощавшего его Дудышкина. Первым об этом воззрении высказался Крестовский, развивая идеи «Введения к „Ряду статей. . .“» и чуть опережая статью «Г-н — бов и вопрос об искусстве». Лучшие русские поэты, писал Крестовский, «были присущи русской почве»: «Что ни доказывай себе г. г. — бов и Дудышкин, купно с юродствующим Виктором Аскоченским, о ненародности и ничтожности Пушкина, сколько ни кричите себе присяжные ценители о ложности и незаконности русского рода и в особенности русской формы (как уже отжившей и негодной) в нашей литературе, мы никогда не согласимся с ними. . .». ¹⁵ Аргументируя эту мысль, Крестовский обращался к примеру, излюбленному Достоевским. Народу понятна, утверждал он, «пушкинская медведиха». Крестовский имел в виду набросок «Сказки о Медведихе». По воспоминанию Страхова, Достоевский «ценил очень высоко» этот отрывок и именно в это время (1860—1861) превосходно читал его в литературном кружке. ¹⁶ Более чем вероятно, что Крестовский и здесь был «рупором» своего старшего товарища. Сам Достоевский публично скажет об этом неоцененном шедевре поэта лишь в некрасовской главе «Дневника писателя» 1877 г. (26, 116) и в Пушкинской речи (26, 144).

Следует заметить, правда, что мысль Достоевского о «колоссальном значении Пушкина» (18, 69) Крестовский в 1861 г. принял с одной оговоркой. Пушкин, по его мнению, проник в народность скорее чутьем, инстинктом, чем научным сознанием. Эта оговорка, очевидно, была сделана под влиянием Писарева. Вероятно, не обошлось без его воздействия и в рецензии Крестовского на «Сборник русских духовных стихов В. Варенцова» в том же номере «Русского слова». Бледность воображения и скудость фантазии находит Крестовский в духовных стихах, что дает ему возможность заявить о неправоте тех, кто уверовал в глубокую религиозность русского на-

¹³ Рус. слово. 1861. № 1. Отд. 2. С. 65 (подпись: В. К—ский).

¹⁴ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 260.

¹⁵ Рус. слово. 1861. № 1. Отд. 2. С. 73—74.

¹⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 274.

рода. Достоевский обходил пока этот вопрос, который настойчиво ставил перед ним Ап. Григорьев, недовольный подобной осторожностью «Времени».

Вскоре полемика Крестовского, попавшего на короткое время под мощное и подавляющее влияние Писарева, с Григорьевым обострится. Как бы в ответ на статью последнего о сборнике стихотворений А. С. Хомякова («Время». 1861. № 5) он печатает свою рецензию на тот же сборник в «Русском слове» (1861, № 8), где будет доказывать, что теизм Хомякова вредил ему в понимании русского народа. Если вспомнить, что осторожное отношение редакторов «Времени» к Хомякову и славянофилам стало одной из причин временного расхождения Григорьева с журналом,¹⁷ то картина противоречий внутри почвеннического лагеря в 1861 г. будет более объемной. Крестовский — один из тех сотрудников (вместе с Разиным, Кусковым), кто выражал тогдашнее тяготение редакции к левому крылу общедемократического движения. Еще более хлесткими и прямо нигилистическими были выступления Крестовского по поводу нового издания сочинений Г. С. Сковороды («Русское слово». 1861. № 7, 8). Атеизм Крестовского, высказанный публично и без обиняков, оттолкнул от него Ап. Григорьева, но, что весьма любопытно, не испортил его отношений с Достоевским.¹⁸

Григорьев, как известно, упрекал братьев Достоевских в преклонении перед «Современником». Как видим, широкая демократическая программа руководителей «Времени» не отвергала тогда и такого союзника, как писаревское «Русское слово». В свою очередь «Русское слово» благодаря Крестовскому в какие-то моменты становилось очевидным союзником «Времени», особенно ведущего его автора — Ф. М. Достоевского.¹⁹ Так, в третьем номере «Русского слова» 1861 г. в статье Крестовского «Стихотворения А. Н. Плещеева», написанной остро и непринужденно, развивались принципиальные идеи статьи Достоевского «Г-н — бов и вопрос об искусстве» («Время». 1861. № 2). «Мы вообще далеки от всякого строгого ограничения поэзии, — писал здесь Крестовский. — Мы равно не согласны с „Современником“, который пропагандирует идею поэзии как служения исключительно делу сегодняшних насущных пужд и ран общественных, как не согласны и с адептами „искусства для искусства“, ратующими за то, что поэзия отнюдь не должна спускаться в сферы вседневных потребностей, а должна жить в холодной и высшей области „беспечаль-

¹⁷ Григорьев *Аполлон*. Воспоминания. Л., 1980. С. 310.

¹⁸ Еще в 23 апреля 1860 г. — ко времени зарождения взаимной симпатии между Достоевским и Крестовским — относятся кощунственные стихи и рисунок Крестовского на тему «Христос и Магдалина» (ИРЛП, ф. 265, оп. 2, № 1331, л. 7). Достоевский, можно предположить, снисходительно отнесся к этим шалостям своего молодого друга, к его, как бы сейчас сказали, амбивалентности (одновременно Крестовский писал «гражданские» стихи о Христе).

¹⁹ Чему, конечно, способствовала и некоторая близость к редакции «Времени» Г. Е. Благоветлова, сохранившаяся даже позднее, во времена раскола. Можно говорить и о некотором тяготении к почвенничеству в 1861 г. самого Писарева (см. его полемику с Добролюбовым по поводу «обломовщины»: *Писарев Д. И.* Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 210).

ного созерцания“ < . . . > И то и другое узко < . . . > Поэзия есть жизнь. . .».²⁰ Любопытно, что и здесь Крестовский не преминул обратиться к тому же примеру, что и Достоевский, — к стихотворению Фета «Шепот, робкое дыханье. . .», которое он признал столь же насущно-необходимым современному человеку, как и «желчное слово» Некрасова.

Последовавшая вскоре статья Крестовского о поэзии Некрасова вдвойне интересна, потому что, с одной стороны, выражала позицию «Русского слова», а с другой, если исходить из перечисленных выше прецедентов (их число можно умножить²¹), — несла в себе какие-то суждения Достоевского. Их тем более важно выявить, что других свидетельств отношения Достоевского к поэзии Некрасова в 60-е гг. очень мало.

Статья Крестовского «Стихотворения Н. Некрасова» — одна из первых в критике попыток определить место поэта в русской литературе и основной пафос его поэзии. «Сам Некрасов более всего склонен видеть в себе сатирика, и только сатирика. Мы думаем совершенно наоборот: сатирик-то он меньше всего, — он поэт, крепко приросший к почве русской жизни, поэт, сросшийся с нею до того, что < . . . > каждая ее рана, боль и скорбь есть его рана и скорбь».²² Ближе к позднему (1873 г.) высказыванию Достоевского (21, 32—33) восхищение Крестовского эпизодом самоспасения, странничества героя стихотворения «Влас». Способность Некрасова обостренно воспринимать человеческие драмы и сопереживать им позволяет ему, как пишет Крестовский, «проникать в самую глубокую сущность народной жизни со стороны ее < . . . > затаенных, незримых страданий».²³ Это качество выделяет поэта на фоне всей современной поэзии, придает особый колорит его народности. Так, в сравнении с ним народность Мея имеет «археологический» характер. «Читая Мея, вы можете эстетически наслаждаться; читая Некрасова, вы будете страдать».²⁴ Впервые высказанное в русской критике Вс. Крестовским, это глубокое суждение явно навеяно общением критика с Достоевским. Позднее, в январском и декабрьском выпусках «Дневника писателя» 1877 г., Достоевский наконец сам сформулировал свое понимание родственной ему натуры «страстного к страданью поэта» (25, 31). Крестовский и здесь, по своему обыкновению, забежал вперед и снял сливки, эта его способность легко заражаться и загораться чужими мнениями, очевидно, не раздражаланисходящего к нему Достоевского. Вопрос же об авторстве, приоритете, очевидно, и не

²⁰ Рус. слово. 1861. № 3. Отд. 2. С. 70—71.

²¹ Отметим лишь, что одновременно с Достоевским («Образцы чистосердечия» — «Время». 1861. № 3) Крестовский выступил против «безобразного поступка» «Века» и так же, как публицист «Времени», возмутился предположением, что «стихи Пушкина безнравственны и грязны» («Рус. слово». 1861. № 3. Отд. 2. С. 41). Основные положения статьи Достоевского «Рассказы Н. В. Успенского» («Время». 1861. № 12) излагались в одноименной статье Крестовского («Рус. слово». 1862. № 1).

²² Рус. слово. 1861. № 12. Отд. 2. С. 73.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ Там же. С. 63.

вставал в кружке «Времени». Обилие идей, вырабатываемых «генератором» кружка Ф. М. Достоевским, его щедрость питали тогда не одного Крестовского. Следует также иметь в виду специфическую коллективную кружковую идейную «лабораторию».

Общий вывод Крестовского созвучен позднейшим (в «Дневнике писателя») суждениям Достоевского о «новом слове» Некрасова: «Настанет новый период нашего социального бытия, выработает общественная жизнь для себя иные, новые формы и иное содержание, тогда выработает она и новое выражение для себя, и нового поэта, который, быть может, скажет тогда свое новое слово. А пока у нее, у этой жизни, остается только Некрасов неуклонным выразителем ее грустных проявлений».²⁵

Статья Крестовского позволяет хотя бы предположительно восстановить некоторые моменты задумывавшегося тогда выступления Достоевского о поэзии Некрасова.²⁶ Она — лишнее свидетельство в пользу того, что, хотя такое выступление тогда и не состоялось, многие принципиальные идеи, изложенные лишь после смерти поэта, складывались у Достоевского еще в 1861 г.

* * *

Судя по всему, 1861 год — время наибольшей близости Крестовского и Достоевского, когда первый с искренней и горячей преданностью стал адептом и конфидендом второго, его верным оруженосцем. Как ни оценивать этот факт, мы должны быть благодарны Крестовскому, донесшему до нас мысли великого писателя, истоки позднейших идей и образов, которые без его посредничества навсегда остались бы в неизвестной нам «устной» творческой лаборатории Достоевского.

Отзвук общения с Достоевским мы находим не только в критических статьях Крестовского, но и в его художественных произведениях того же 1861 г.

В первом номере «Светоча» за 1861 г. напечатан рассказ Крестовского «Бесенок» с посвящением Ф. М. Достоевскому. Первая глава — подробная характеристика героя, помещика Ададунова, судьба которого несколько напоминает историю Лаврецкого («Дворянское гнездо» И. С. Тургенева). Он также «уехал скитаться за границу» (обратим внимание на словоупотребление, столь значимое для Достоевского), но затем вернулся в родовую вотчину, где по соседству живут его дальние родственники; впоследствии их дочь, разумеется, обратит на себя внимание героя. Ададунов многими чертами напоминает самого Крестовского, каким он предстает в воспоминаниях современников. Правда, перед нами как бы очищенный Крестовский, каким он хотел бы — не без свойственной ему рисовки — выглядеть в гла-

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ 9 июля 1862 г. М. М. Достоевский писал брату: «А. Григорьев захотел непременно написать критику о Некрасове. С нежеланием дал ему писать о нем. Я знаю, что это один из твоих сюжетов. Но нечего было делать» (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935. С. 537).

зах Достоевского. (Стремление понравиться ему видим мы, например, в словах: «Печоринных он не любит и всегда очень злобно трунит над ними».) Смеем предположить, что перед нами Крестовский, каким его видел тогда Достоевский, каким он его полюбил.

«Эгоизма в нем нет, кажись, ни на каплю: это бесконечная доброта, иногда переходящая, как замечали, даже во что-то бабье. Еще вот что замечали в нем: с ним невозможно хандрить или злиться — он умеет всякую хандру, всякую желчь парализовать своею светлою, добродушно-прямою натурою — с ним легко и хорошо живется. Это человек жизни, — жизни везде и повсюду, как бы она ни проявлялась < . . . >, наслаждаться жизнью тоже умел, только — странное дело! — это нисколько не ослабило, не растратило, не измяло его < . . . >.

Этот человек — артист по натуре < . . . > При всех этих достоинствах это была самая безалаберная и самая благородная личность, какую я только знал».²⁷

Плод общения Крестовского с Достоевским — центральный женский образ повести, «бесенок» Женни Дельсар, «эксцентрическая натура», в которой повествователь наблюдает просыпающуюся женщину (ей четырнадцать лет). Она «вся — вибрация жизни, вся — энергия, вся — нервы, самые тонкие, самые раздражительные и грациозно-капризные нервы!». «Она бессознательно и сама того не зная и не догадываясь, быть может, любила Ададунова — не оттого ль она так и мучила его?». Женни, как нам представляется, первый и несовершенный набросок характера Нелли из «Униженных и оскорбленных». О любви своенравной девочки к Ивану Петровичу рассказано в первых главах четвертой части «Униженных и оскорбленных», печатавшихся в майском номере «Времени» 1861 г. Очевидно, этот сюжет уже был продуман Достоевским в конце 1860 г. и тогда же «проговаривался» им в кружке близких людей, откуда и был перенесен Крестовским в свою повесть.

Можно лишь догадываться, почему через год в издании «Сочинений» (СПб., 1862) Крестовский снял посвящение Достоевскому в повести «Бесенок». Отношения писателей были тогда еще весьма дружеские. Другие посвящения в этом издании (А. А. Григорьеву — былина «Про Степана Разина Тимофеевича», Н. И. Урывкову — рассказ «Погибшее, но милое создание») были сохранены. Остается предположить, что сам Достоевский был не удовлетворен разработкой подсказанного им сюжета, и посвящение, намекавшее на его истоки, было снято именно по его, Достоевского, желанию.²⁸

Тип Нелли, как видно, продолжал волновать воображение Крестовского, и вскоре он создал новую версию этого характера, на сей

²⁷ Очень похожую, умеренно-критичную, а больше все-таки рекламную самохарактеристику дает Крестовский, выводя себя в эпизодическом герое К* в повести «Не первый и не последний».

²⁸ Можно предположить, что другим отзвуком этого мотива, а возможно, и реакцией Достоевского на «чувственную» версию Крестовского, был эпизод с Матрешей в «Исповеди Ставрогина». Напомню, что Матреше, как и Женни Дельсар, четырнадцать лет.

раз целомудренную, в поэме «Весенняя смерть» («Русское слово». 1861. № 10).²⁹ Муки голода, нищеты, унижений преследуют нищего скрипача (некоторыми подробностями его история напоминает судьбу Ефимова из «Неточки Незвановой») и его дочь Маню. Член их маленькой семьи и единственный друг Мани — собака Азорка. Однажды, когда отцу стало совсем плохо, Маня выбегает на улицу и умоляет прохожих спасти его. Лишь какой-то студент, проходя мимо, отдал свой последний рубль. Крестовский далее рисует сцену, кажущуюся почти цитатой из «Униженных и оскорбленных», а в чем-то предваряющую сходный эпизод в будущем романе Достоевского «Преступление и наказание»:

И вдруг, на миг забывши муку,
Не веря с радости глазам,
Она подавшую ей руку
Схватила крепко и к губам
Ее прижала что есть мочи.

Пронзительно-жалостные подробности «весенней смерти» Мани также близки соответствующим эпизодам прощания с Нелли в «Униженных и оскорбленных». В романе «Петербургские трущобы» (1864—1866) тема детских страданий в последний раз отзовется той школой Достоевского, которую прошел Крестовский. Более он к этой теме не возвратится.

Сюжетные ситуации «Униженных и оскорбленных» узнаются в комедии Крестовского «Завидная доля», запрещенной цензором 31 января 1862 г. за «отвратительные и возмутительные сцены».³⁰ Дочь ростовщика, оболыщенная «светским молодым человеком» Верещанским, крадет у отца 25 тысяч рублей. Изгнанная и проклятая отцом, она вынуждена продавать себя. Сцена смерти в больнице другой героини, оболыщенной тем же Верещанским и также покинутой родителями, удваивает основную сюжетную ситуацию точно так же, как линия Наташи удваивает историю матери Нелли. Заимствуя сюжетные ситуации и общий композиционный прием («параллелизм» историй), Крестовский заметно мелодраматизирует их и вносит элемент бульварщины.

Школа Достоевского обнаруживает себя еще более в тех элементах психологического анализа, которые в 1861 г. появляются в прозе Крестовского. Особенный интерес представляет с этой точки зрения его повесть «Не первый и не последний». Она вводит нас в творческую лабораторию — опять же «устную» — другого произведения Достоевского, «Записок из подполья» (1864). Порядочный временной отрыв повести Крестовского от повести Достоевского говорит о том, сколь долго вынашивалась эта вещь, поворотная для Достоевского.

²⁹ Близость ее к роману «Униженные и оскорбленные» впервые отметил (иронически) Д. Минаев в статье о Крестовском «На все отозвался, ни до чего не договорился» («Рус. слово». 1863. № 1).

³⁰ ЦГИА, ф. 780, оп. 1, ед. хр. 39, л. 16—16 об. От пьесы осталось, по-видимому, лишь это, хотя и достаточно подробное, описание цензора.

Написанная в форме «неоконченных записок студента», повесть Крестовского — как бы среднее звено между «Дневником лишнего человека» Тургенева и названной повестью Достоевского. Не только отдельные эпизоды (скажем, сцена объяснения героя с Наденькой) приближают Крестовского к повести Достоевского. Сходен беспощадный, как бы многоступенчатый самоанализ героя, не останавливающийся перед саморазоблачением.

«Значит, можно сделать самую страшную, самую вопиющую подлость, сознать ее и после еще преспокойно, с благородным негодованием, анализировать себя в этой подлости и свысока *трактовать* о пей, и о долге, и об общем благе трактовать, пожалуй?».³¹

Обнаруживая подобным самоанализом незаурядную интеллектуальность, герой Крестовского в то же время абсолютно бесплен как субъект воли, как деятель. Нравственное понимание, осознание не переходит в нравственный поступок, у него «сил нет бороться с самим собою».

Двойная психология приводит героя Крестовского к двойной морали. Он, как впоследствии «подпольный», оказывается нравственно ниже, чем когда-то «спасенная» им Наденька. Правда, Крестовский в отличие уже от Достоевского относится к своему герою куда снисходительнее. Потому, вероятно, и не достигает он того высокого накала трагизма, сознания душевной опустошенности, краха нравственно неакцентированной личности.

Интерес к двойной психологии проявится у Крестовского в заметках в его записной книжке периода работы над «Петербургскими трущобами».³² В позднейшей прозе, в частности в романах Крестовского,³³ мы не найдем подобных психологических «сложностей»; автор их будет предпочитать ходы более простые и ясные, психологическая жизнь его героев однозначна и достаточно примитивна. Восприимчивая, реактивная натура Крестовского была в то же время неглубокой; уроки Достоевского выветривались так же быстро, как усваивались когда-то.

В 1862—1863 гг. в прозе Крестовского произошел поворот к физиологическому очерку, сатирическим и фельетонным жанрам. Зависимость от Достоевского в этих, по большей части мелкотравчатых сочинениях уменьшается, но в ряде случаев он привычно следует в фарватере тем и мотивов своего наставника. Так, в рассказе «Петербургские вечера» («Оса». 1863. № 26—28. 26 октября—9 ноября) описывается «конфузная» ситуация, совпадающая в некоторых основных моментах с сюжетом «Скверного анекдота» («Время». 1862. № 11). Крестовский расставляет иные акценты: в комическом виде

³¹ Рус. мир. 1861. № 44. С. 752.

³² См.: ИРЛИ, ф. 129, № 2. В настоящей статье, ограниченные объемом, мы вынуждены опустить большой и серьезный вопрос об этой записной книжке, отразившей ряд важнейших моментов творческого взаимодействия двух писателей.

³³ «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874), «Тьма Египетская» (1888), «Тамара Бендавид» (1889—1890), «Торжество Ваала» (1891).

им представлена прежде всего семья чиновника, принимающая в гости высокого покровителя. Случившийся же неизбежный конфуз обнаруживает жалкие потуги маленьких людей быть не хуже других.

К 1862—1863 гг. следует отнести начало работы Крестовского над романом «Петербургские трущобы», ставшим вершиной его творчества. Произведение это бесспорно ориентировано на традицию, идущую от Э. Сю («Парижские тайны»), а также В. Гюго («Отверженные»). Не исключено, что интерес к этим двум писателям возник у Крестовского не без влияния Достоевского.³⁴ Общее направление будущего романа как будто подсказано автором «Петербургских сновидений в стихах и прозе» («Время», 1861, № 1): «. . . я бы пожелал обратиться в Эжена Сю, чтоб описывать петербургские тайны» (19, 68). Замысел «Петербургских трущоб» рождался и оформлялся при несомненном творческом взаимодействии автора с двумя близкими ему в этот период писателями: Достоевским и Помяловским. Последний вынашивал, как известно, идею масштабной физиологии петербургского «дна», Достоевский же прикоснулся к этому материалу еще в «Униженных и оскорбленных». На скрещении различных влияний (Сю, Гюго, Достоевский, Помяловский) родилось произведение весьма неоднозначное. В нашу задачу не входит общая оценка указанного романа, отметим лишь моменты сближения и расхождения с Достоевским.

В общем построении одной из важнейших сюжетных линий — истории «цивилизованного развратника» князя Шадурского и его внебрачной дочери Маши Поветиной, погибающей в нищете, — угадываются очертания судьбы Нелли, дочери князя Валковского из «Униженных и оскорбленных». «Петербургский роман» Достоевского, кроме того, предшествует произведению Крестовского в эпизодах, где приоткрывается перед читателем мир петербургских мошенников, сводней, развратников. Этот мир «дна», рисуемый Достоевским немногими, но сильными мазками, буквально захлестнет роман Крестовского.

Лучшие страницы «Петербургских трущоб» те, на которых без утрировки, без экзотики уродств и безобразий, переполнивших эту «физиологическую» эпопею, с горькой простотой рассказывается о мучительных страданиях голодных, бесприютных людей. Так, близкий Достоевскому критик, которому принадлежит, пожалуй, лучший и объективный разбор романа, утверждал даже, что главы о тюремной жизни «не бледнеют и при сравнении с „Мертвым домом“ Достоевского».³⁵ Следует уточнить: «тюремные» страницы Крестовского действительно выделяются строгой простотой и сдержанностью посреди аффектированных описаний соседних глав (например, о ноч-

³⁴ Ср., например, с известными высказываниями Достоевского о Гюго восторженный отклик Крестовского на роман «Отверженные» в фельетоне журнала «Модный магазин» (1862 №. 11).

³⁵ Соловьев Н. И. Два романиста // Всемирный труд. 1867. № 12. С. 45 (второй пагинации).

лежках и притонах) очевидно, и потому, что Крестовский в данном случае следовал за Достоевским.³⁶

Выдерживает Крестовский заданный тон и в последующих главах, где рассказано о медленном умирании выпущенного из тюрьмы Ивана Вересова от голода посреди холодного громадного Петербурга. Ему, по словам героя Достоевского, «некуда идти». Связь с романом «Преступление и наказание» становится более очевидной в главе VIII пятой части «Ночлежники в пустой барке», где судьба сводит героя с его несчастной сестрой, Машей Поветиной, для которой единственная возможность не умереть от голода — продавать себя. Герои Крестовского едва не замерзают в пустой сенной барке. Эта глава печаталась в «Отечественных записках» в апреле 1866 г., когда Крестовский уже мог прочитать в «Преступлении и наказании» в журнале «Русский вестник» (1866, январь) сцену трактирного «бунта» Мармеладова,³⁷ его слова о разнице между бедностью и нищетой, его вопрос: «. . . изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках?» (6, 13).

Есть иного рода «пересечения» двух романов, когда уже Достоевский — вольно или невольно — следовал за Крестовским. Так, например, закладчик Кох, появляющийся в первой части «Преступления и наказания», недавно уже действовал на страницах «Петербургских трущоб» (ч. 3, гл. VII). В главе X третьей части (январский номер «Отечественных записок» 1865 г.) мазурик Гречка рассказывает, как он ходил высматривать квартиру ростовщика, которого задумал убить и ограбить, и встретил идущую от него плачущую женщину. Будущий грабитель остро реагирует на чужое страдание и тем оправдывает задуманное преступление: женщина «рыдает, просто сердцу невтерпеж. . . Ах ты псира, думаю, старая! при древности-то лет да народ эдак-то грабить! И столь мне это стало обидно, что, думаю себе, не будет же тебе, голубчику, спуску!».³⁸ Этот «достоевский» эпизод, впрочем, остался мимолетным в романе Крестовского. Автор готов объяснить большинство преступлений «экономическими и социальными условиями быта», либо «психиатрически-врожденной склонностью», «страстным порывом», либо просто «негодяйством» богатых развратников.³⁹

Близость «Петербургских трущоб» «городским» романам Достоевского в общем колорите изображения, в отдельных мотивах и дета-

³⁶ Крестовский привел любопытный факт: один из встреченных им арестантов читал по памяти «целый отрывок из „Мертвого дома“ Ф. Достоевского» (*Крестовский В. В. Петербургские трущобы. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 650*).

³⁷ Эта сцена имеет протоэпизод в рассказе Крестовского (одном из лучших у него) «Вечный дежурный» («Оса». 1863. 19 окт. № 25): запущенная «седенская личность» в трактире «запскивала отчасти в половых», на что те отвечали презрением. Тогда-то «он обратился к нам в несколько официальном тоне: позвольте излить . . . за оказанную честь . . . Я это чувствую и понимать могу . . . Позвольте представиться: титулярный советник Марк Марков Щучка . . . в преклонных летах — бродягой очутился. . . „Ну что! говорят, это насекомое, — насекомому много ли нужно?“ — И я не роптал, видит бог, не роптал на это». Героя Крестовского ожидает конец господина Голядкина, когда он начинает заговариваться: «. . . аспида побори и василиска в преисподняя низвергни!».

³⁸ *Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Т. 1. С. 433.*

³⁹ Там же. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 243.

лях убывала по мере «затягивания» Крестовским своего романа (печатался более двух лет) и непомерного разрастания авантюрно-бульварного начала. Колебалось и отношение Достоевского к этому роману. Вначале, прочтя отрывок «Ерши», напечатанный братом в «Эпохе» (1864. № 1—2), Достоевский поставил его в ряд лучших материалов номера, очевидно, оценив его так же, как и напечатанный по соседству очерк Горского: «. . . это совсем не литература < . . . >, а просто факты и полезные» (28₂, 73). Достоевский не прочь был напечатать в «Эпохе» и весь роман Крестовского; об этом говорит заметка в его записной книжке от 24 августа 1864 г.: «О повести Крестовского» (27, 94). Очевидно, Достоевский планировал договориться о «Петербургских трущобах», никакой другой «повести» Крестовский, весь поглощенный работой над громадным произведением, не писал. По свидетельству Н. И. Соловьева, описание мошеннического трактира в отрывке «Ерши» «обратило на себя всеобщее внимание».⁴⁰ Роман был бы находкой для падающей «Эпохи», но был отдан автором в «Отечественные записки». Вот что писал об этом Н. Ф. Бунаков: «Я помню, как Достоевский упрекал самого себя, что упустил из „Эпохи“ такое сокровище, как „Петербургские трущобы“ Всеволода Крестовского, которые привлекали массу подписчиков к „Отечественным запискам“ Краевского. Отрывок из этого романа был напечатан в „Эпохе“ («Ерши»), в нее попал бы и весь этот роман, к ней, по мнению Достоевского, направился бы и прилив подписчиков, если бы редакция не поостереглась рискнуть тем гонораром, который предложил автору такой многоопытный в журнальном деле человек, как Краевский. Но редакция „Эпохи“ не ожидала, чтобы такое трущобное произведение способно было поддержать умирающий журнал, а денежные средства ее были таковы, что рисковать не приходилось».⁴¹ Объяснение Бунакова противоречиво, но, думается, оно отражает колебания Достоевского относительно «Петербургских трущоб».

О том, что роман первоначально не предназначался для «Отечественных записок» и был отдан туда внезапно, даже в спешке, говорит следующий курьезный факт. В одной из глав Крестовский пронычски прошелся насчет Краевского (вполне в традициях журналистики Достоевского); отдавая рукопись в журнал того же Краевского, он об этом не вспомнил, и очень скоро, 5 декабря 1864 г., ему пришлось давать путаные объяснения и извиняться в письме к Краевскому.⁴²

Эпизод с «Петербургскими трущобами» способствовал резкому охлаждению в отношениях двух писателей. Намек на Крестовского видится нам в наброске памфлета на Краевского: «Серебром лишь побряцал он < . . . > он действовал кредитками < . . . > хруст и шелест, который способен перевернуть иное литературное сердце к стопам каких угодно убежденных» (20, 183).

⁴⁰ Всемирный труд. 1867. № 12. С. 44 (второй пагинации).

⁴¹ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб., 1909. С. 60—61.

⁴² ГПБ, ф. 391, № 458, л. 3.

О «флюгерстве» «одаренного» Крестовского Достоевский еще совсем недавно читал в статье А. А. Григорьева «О борзописании ради печатного листа. . .». Под именем Гребешкова Григорьев не только описал литературную судьбу Крестовского (намекы здесь вполне однозначны), но и с прямолинейной откровенностью поставил вопрос о возможном падении писателя: «Товар, которым он торгует, — не прочный товар, не такой, который сам по себе имеет значение, а товар — модный; переменится мода — бедный Гребешков должен выделывать новый товар — и, главное, если он хочет есть у Дюссо и петербургскими канканами наслаждаться — то забудь он навсегда, что совесть на свете есть, не добивайся он от себя правды и искренности. Потому: как только станет он этих опасных фурий на дне души отыскивать, тогда ему есть будет нечего».⁴³ Обращаясь далее к Гребешкову (Крестовскому), Григорьев пробует устыдить его: «. . . думаешь, что Тургенев, Островский, Ф. Достоевский, Л. Толстой от того так мало пишут, что в деньгах не нуждаются? Кто в них не нуждается? А совесть у людей есть, вот что — уважение к себе и к своему делу как к честному художественному делу не подорвано. . .».

Борзописание ради денег, «разврат ума», как пророчески угадал Ап. Григорьев, сказались уже в процессе создания «Петербургских трущоб»: на втором году печатания Крестовский начал эксплуатировать найденную золотую жилу, последняя часть романа была настолько бессодержательной, что коммерческий смысл ее обнажился вполне.⁴⁴

В этом литературном и «редакционном» контексте понятна безжалостная, даже через край, статья «Всякому по плечу» о «Петербургских трущобах» («Эпоха», 1865, № 2), принадлежащая перу Д. Аверкиева, но несомненно написанная при поддержке, а может быть, и участии, прямом или косвенном, фактического редактора журнала.⁴⁵ Во всяком случае ясно, что Аверкиев применил к Крестовскому те же критерии художественности, что были предложены Достоевским в недавних статьях «Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год» и «Рассказы Н. В. Успенского». Выступая против «калькирования природы» в романе, Аверкиев выдвинул исходный тезис вполне в духе эстетической программы Достоевского: «. . . не в наблюдаемом, а в наблюдателе сила».⁴⁶ Крестовский с этой точки зрения представляет собою тип «художника-муравья», загромоздившего свое произведение множеством ненужных подробностей: «. . . не он владеет материалом, а материал им владеет».⁴⁷

⁴³ Якорь. 1864. 1 янв. № 1. С. 11.

⁴⁴ Попав в цейтнот, Крестовский с мая по ноябрь 1866 г. диктовал свой роман стенографу. Возможно, этот прецедент сыграл свою роль в известном решении Достоевского в начале октября 1866 г. обратиться к помощи стенографа.

⁴⁵ «Некоторые из тамошних статей, — писал об «Эпохе» Аверкиев, — обозначенных моим именем, были написаны при ближайшем сотрудничестве Достоевского» (Аверкиев Д. В. Дневник писателя. 1885. Январь. СПб., 1885. С. 3). Это «сотрудничество» в данном случае было тем более необходимым, что речь шла о весьма щепетильном и принципиальном вопросе: размежевании с недавним сотрудником.

⁴⁶ Эпоха. 1865. № 2. С. 12 (отдельной пагинации).

⁴⁷ Там же. С. 13.

Суровый приговор был вынесен критиком «Эпохи». Достоевский как редактор (не исключено, что и вдохновитель этой статьи) поставил под ним свою подпись. Приговор был окончательный; Достоевский, судя по всему, не изменил этого мнения о бывшем приятеле до конца жизни.

«Всякий истинный художник прежде всего стремится выразить самого себя, святую святых своей души. Если внутри человека нет ничего, что бы он мог сказать другим людям, если в нем не сосредоточены силы, а напротив, он сам свое достоинство полагает в том, что в состоянии заметить мелочи, и одни только мелочи, и чем больше, тем лучше, — то лучше такому человеку оставить в покое искусство».⁴⁸

Момент и непосредственные мотивы разрыва Достоевского с Крестовским можно установить лишь приблизительно.

В 1863 г. Крестовский активно сотрудничает в «Якоре» Ап. Григорьева, выступает с антиингилистическими стихами и фельетонами. Переворот, в нем происшедший, разлад с «Искрой» и «Русским словом» как будто бы делали его в сложной общественной ситуации единомышленником Достоевского. В октябре—декабре 1863 г. Крестовский составлял сатирическое приложение «Оса» к журналу «Якорь». Сделал он попытку привлечь к изданию и Достоевского как пародиста. Об этом свидетельствует его стихотворное послание (на бланке «Осы») 2 ноября 1863 г., отражающее характер отношений на тот момент.⁴⁹

Далее события развивались так.

В первом сдвоенном номере «Эпохи» 1864 г. (цензурное разрешение 20 марта), где напечатан отрывок «Ерши», появилась статья Ап. Григорьева «По возобновлении в первый раз». В частности, речь заходит о дебюте молодой актрисы М. В. Крестовской (жены писателя) на сцене Александринского театра, о теплом приеме публикой и холодном — рецензентами. «Зато через неделю в одном весьма изящно издаваемом листке читаешь ты дичь в другом роде, дичь о каких-то чуть не овациях, сделанных публикою г-же Крестовской, — дичь, которой разные рыцари плаща и пледа несравненно более могли бы повредить дебютантке, чем критике. . .».⁵⁰ Так жестко и справедливо Григорьев поставил на место . . . В. В. Крестовского, ибо именно он, прикрывшись псевдонимом «Рыцарь стеклышка и пледа», давал безудержно-хвалебные рекламные отзывы о выступлениях актрисы («Модный магазин». 1864. № 2, 3).

В том же сдвоенном номере «Эпохи» напечатана «фантазия» И. С. Тургенева «Призраки». В одном из эпизодов девица с папирской во рту «благоговейно читала книгу: это был том сочинений одного из новейших Ювеналов».⁵¹ В черновом и беловом автографах

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ГБЛ, ф. 93. II. 5. 145, л. 5.

⁵⁰ Эпоха. 1864. № 1—2. С. 463.

⁵¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М.; Л., 1965. Т. 9. С. 105. Любопытно, что Аверкиев в указанной выше статье называет Крестовского «грошовым Ювеналом».

названо имя Вс. Крестовского.⁵² Вероятно, по предложению редакции оно было вычеркнуто в корректуре.

24 августа — запись Достоевского «О повести Крестовского» (см. выше).

26 августа 1864 г. — письмо Крестовского к Достоевскому с просьбой выплатить долг за «Ерши».

26 сентября 1864 г. — Крестовский вместе с Достоевским, Аверкиевым и другими на похоронах А. А. Григорьева. Он участвует в товарищеской складчине, давшей средства на похороны (правда, так сказать, безналично — в счет еще не выплаченного гонорара за «Ерши»).

13 ноября 1864 г. — цензурное разрешение октябрьского номера «Отечественных записок», где начал печататься роман «Петербургские трущобы».

28 ноября 1864 г. вышел в свет девятый номер «Эпохи», где Стрехов напечатал письмо к нему А. А. Григорьева с резкой характеристикой Крестовского. Большую часть этой характеристики редакция сократила, но остался довольно едкий намек: «Впрочем, и хорошо, коли мой молодой орленок (К. Случевский. — В. В.) не сделает ничего, ровно ничего. Это ведь лучше, чем сделаться В. . . К. . .».⁵³ В предыдущем письме Григорьев запрашивал сведения о Мее, Крестовском и Случевском, так что инициалы легко расшифровывались читателями журнала.

7 декабря 1864 г. — сухое, деловое письмо Крестовского к Достоевскому с расчетами и нетерпеливой просьбой поскорее выплатить остаток долга за «Ерши».⁵⁴

23 января 1865 г. «Петербургский листок», в котором Крестовский активно сотрудничает, расхваливает «Петербургские трущобы»: «Он положительно первый открыл нам этот темный и глухой мир петербургского пролетариата».

28 февраля та же газета заявляет, что автор «Петербургских трущоб» «в истории нашей литературы станет все-таки выше всех созидателей мертвых и тому подобных домов и конур».

9 марта в той же газете — письмо Крестовского к редактору: «. . .позвольте мне отклонить, от своего имени, всякую возможность сопоставления моего романа с „Мертвым домом“, произведением, слишком уважаемым мною и добытым слишком дорогою ценою от жизни».

Очевидно, это письмо Крестовского опоздало, оно уже не могло остановить или хотя бы смягчить того разгрома, который был устроен ему в февральском номере «Эпохи» (цензурное разрешение 13 марта 1865 г.) в указанной выше статье Аверкиева. В другой своей статье в том же номере Аверкиев, объединяя Крестовского с Минаевым, чуть обнажает один из мотивов разрыва: «Пора бы давно прихлопнуть всю эту пустошь и мелочь. Уж очень они величаться стали».⁵⁵

⁵² Там же. С. 387.

⁵³ Эпоха. 1864. № 9. С. 15 (отдельной пагинации).

⁵⁴ ГБЛ, ф. 93. II. 5. 145, л. 9.

⁵⁵ Эпоха. 1865. № 2. С. 29 («Текущая литература»).

Картина непростых и меняющихся взаимоотношений не будет полной, если не представить эволюцию Достоевского в отношении к поэзии Крестовского. В своих воспоминаниях А. П. Милюков говорит об увлечении только что вернувшегося из ссылки писателя стихами молодого поэта.⁵⁶ Следует сразу же уточнить, что при всей дружеской привязанности Достоевский не поступался критериями художественной ценности. Так, к 1861 г., т. е. ко времени самой душевной близости, относится замысел, сформулированный в записной книжке Достоевского следующим образом: «Поэтики Всеволод Крестовский, Д. Минаев, Николай Курочкин и проч.» (20, 168). Столь жесткая, надгрупповая принципиальность (ср. указанные выше публичные выговоры «Эпохи» своему автору), наверное, не раз заставляла поживать Крестовского.

Симпатии Достоевского (как, параллельно, и Ап. Григорьева) вызвала женственно-впечатлительная, переимчивая поэтическая натура Крестовского. Одновременно с «некрасовскими» стихами он мог писать и в духе чистого фетовского лиризма — таков цикл «Весенние ночи», восхищавший Достоевского, по свидетельству Милюкова. Весма широкий по своим привязанностям, Крестовский брал поэтические уроки также у Мея и Майкова.

По воспоминанию того же Милюкова, Достоевскому особенно нравилось стихотворение «Солимская гетера», которое он «просил не раз повторить» автора, искусного декламатора. Оно было потом напечатано в 1861 г. в первом программном номере журнала «Время», а еще через два года писатель по памяти процитирует его в одной из статей (20, 84). Не исключено, что рассказ о грешнице, поклявшейся соблазнить святого, но склонившейся перед величием его смирения, мог быть навеян общением поэта с Достоевским. В стихотворении Крестовского можно увидеть зародыш некоторых ситуаций будущих романов писателя: Мышкин—Настасья Филипповна и особенно Алеша Карамазов—Грушенька (глава «Луковка»).

Начиная с сентября 1860 г. Крестовский печатает стихи из цикла «Испанские мотивы», принесшие ему наибольшую известность. В сатирической журналистике очень скоро ему присвоят имя Всеволода Клубничкина, будут сравнивать с Барковым (особенно преуспее в обличениях его бывший соратник по «Светочу», «Искре» и «Русскому слову» Д. Д. Минаев). Быстрый переход от невинной лирики «Весенних ночей» и романсов к любовно-страстным стихам, разжигающим уголек в крови (по выражению Свидригайлова), совершался во многом в погоне за популярностью, до которой Крестовский был падок. Следует также учитывать и то обстоятельство, что радикально настроенная молодежь 60-х гг. эмансипацию плоти воспринимала как естественную часть эмансипации общества.

Раскрепощенность этого рода поразила Н. Н. Страхова, когда он вступил в кружок Достоевского.⁵⁷

⁵⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 325—326.

⁵⁷ Там же. С. 273.

Немного позднее, очевидно уже под влиянием сложившейся дурной славы Крестовского, Н. М. Ядринцев обвинил его в развращающем влиянии на Ч. Валиханова, посещавшего кружок.⁵⁸ Поддерживал это обвинение А. С. Долинин, писавший о Крестовском как о человеке, «в основе своей нравственно нечистоплотном».⁵⁹ Думается, что эта оценка по отношению к молодому Крестовскому (кстати, на четыре года моложе Валиханова, который не мог быть перед ним послушным учеником) излишне сурова. Он был скорее человеком без прочного нравственного стержня, чем изначально безнравственным.

Отношение Достоевского к «испанским» стихам Крестовского, судя по всему, было весьма критичным. Из напечатанных во «Времени» в 1861—1863 гг. одиннадцати стихотворений поэта нет ни одного из той жгуче эротической лирики, что прославила его. Для публикаций в журнале братьев Достоевских были отобраны произведения романсового стиля, баллада «Ванька-ключник» (станшая затем народной песней), переводы античных поэтов и Гете.⁶⁰ В предисловии к «Зимним заметкам о летних впечатлениях» («Время». 1863. № 2) Достоевский иронизирует по поводу Крестовского как «певца любви, самого убежденного и самого развеселого из русских поэтов», который не потерялся бы даже среди дрезденских женщин: «. . . усомниться в своем призвании он не мог даже ни при каких обстоятельствах» (5, 47—48).

Пародийное осмысление «испанской» лирики Крестовского Достоевский собирался дать в рассказе «Крокодил». Среди творческих планов («Журнальные споры о крокодиле») находим пункт: «Fandango» (5, 324). Так называлось одно из стихотворений «испанского» цикла Крестовского. Под словами: «Приходил поэт со стеклышком в глазу» (5, 332). — имеется в виду именно Крестовский, известный своим несколько фатовским пристрастием к моноклю ⁶¹ (один из его псевдонимов, уже упоминавшийся, — «Рыцарь стеклышка и пледа»). Следующие далее в записной книжке (5, 332—334) стихотворные наброски Достоевского — синтез мотивов или отдельных строк из разных стихотворений Крестовского, не только «испанских».⁶²

⁵⁸ Спб. вестн. 1866. № 3.

⁵⁹ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963. С. 169—170.

⁶⁰ Возможно, отклик на эту позицию «Времени» — анонимная реплика в «Гудке» (1862. № 34): совет лечиться от «impotentiae». Именно в это время Крестовский был активнейшим автором «Гудка».

⁶¹ Крестовский следующим образом описывался, например, в сатирическом этюде «Знакомство с литераторами» под именем поэта Крестикова: «Это был молодой, но уже подержанный человек со стеклышком в глазу, с весьма бойкими и несколько нервными движениями. Оба стихотворения, и „Любовь к мертвой женщине“ и „Припекни мне язык поцелуем“, отличались эротическим содержанием. . .» (Якорь. 1863. 26 окт. № 34. С. 676).

⁶² В академическом издании ошибочно указано, что под названием «Fandango» Крестовский объединил два стихотворения: „Чуть с аккордом двух гитар“ и „В дальней Африке, весной“ (5, 397). «Fandango» — название лишь первого стихотворения.

«Фрина»

Вы жалки мне! И я отныне
Не протяну руки мужчине!
Киприде с вами не служу!

На бреге Нпла
Я наскучила мужчиной. . .

«Гитана»

И бедняге подаанье
Грешным телом подала.

Крокодила я звала,
Грешным телом отдалась.

«Андалузянка»

Это он, мой идальго. . .
< . . . >

Он придет — и под плащ к нему кинусь
я вдруг,

Всем бы взяли вы, сенора,⁶³
Но, лаская горячо,
Вы хидальгу Никанора
Укусили за плечо.

И не будет конца поцелую!

Поцелуев, объятий его сгоряча
Я не чую от бешеной страсти. . .

Правда, это в миг прекрасный,
Это в миг любви и неги страстной,
Но зачем так горячо?

«Я б ушел от вас на берег моря»

Я набрал бы ракушек прибрежных

Между ракушек прибрежных

Пародируя Крестовского, Достоевский использовал некоторые стихи, уже спародированные ранее в сатирической журналистике. Так, «ракушки» Крестовского дважды были осмеяны Н. Ломаном в «Искре»,⁶⁴ а мотивы противоположенных страстей обыгрывались в «животном» контексте в «Русском слове» (1863. № 3):

На всех мужчин в родной Гренаде
Я стала зла,
Ах, приведите, Бога ради,
Ко мне козла.

В приемах пародийной полемики многое сближает Достоевского с сатирической журналистикой его времени. Однако пародия на Крестовского, оставшаяся в черновиках, в творчестве Достоевского — лишь ступень к будущим лебядкинским «шедеврам» («Бесы»).⁶⁵ В них мы почти не уловим намека на какой-то конкретный повод: пародирование здесь перестает быть собственно пародией, столь обобщен и неуловим ее адресат. Хотя в общей постановке Лебядкина — поэта, движимого демонстративно «благородным», чуть ли не платоническим чувством, но сочиняющего стихи с уличающей его эротической подкладкой, есть нечто общее с двусмысленностью некоторых сочинений Крестовского, также принесших ему известного рода славу. Таков, к примеру, рассказ «Красавица»,⁶⁶ где автор горячо

⁶³ Слово «сенора» шесть раз повторено в пяти четверостишиях «Fandango» Крестовского.

⁶⁴ См.: Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1987. Т. 2. С. 354, 355.

⁶⁵ Чуть раньше — в набросках к незавершенной повести «Картузов» (11, 42—43).

⁶⁶ Петерб. листок. 1865. № 28—29.

уверяет читателя, что его попытка завязать разговор со случайно встреченной красавицей имела чисто эстетические побуждения, ею почему-то не понятые: «. . .увидеть во всем этом одно только пошлое уличное пристаиванье, не разглядеть < . . . > наивно-искреннего и бескорыстного движения — это не шутя меня огорчило. Вот она — жизнь-то и первое прикосновение к ней». Рецензент «Отечественных записок» справедливо возмущился: «Вся эта выписка сочинена не влюбленным писарем, а русским писателем!» (1870. № 3. Отд. II. С. 72). «Драпировка в чужие костюмы»⁶⁷ того же рода явственна в рассказе «Безнравственная девушка» («Рус. мпр», 1862. 14 июля. № 27) и др. Двусмысленный эротический подтекст возникает здесь, как позднее в стихах Лебядкина, независимо от благородно-манерных уверений автора-рассказчика в «чистоте» своих помыслов. Крестовский как автор указанных сочинений говорит одно, но проговаривается о другом. Эта-то незапрограммированная комичность ситуации и была, возможно, спародирована в опусах Лебядкина.

Недостаток внутреннего такта, как оказалось, — хроническая болезнь Крестовского, позднее подвигавшая его на двусмысленные, а порой просто безнравственные поступки. Очевидно, это также входило в комплекс обстоятельств, приведших к разрыву с ним Достоевского.

* * *

И Достоевский, и Крестовский в переломную ситуацию 60-х гг. как будто бы сделали общий выбор и как будто бы оказались по одну сторону баррикад. Но, странное дело, это не только не сблизило их по сравнению с тем временем, когда Крестовский щеголял своим радикализмом, но, напротив, распались сложившиеся тогда дружеские связи.

В начале 70-х гг. Крестовский, автор антинигилистического романа «Панургово стадо», возобновил свое знакомство с Достоевским, автором «Бесов». 11 февраля 1872 г. они оба приглашены на обед литераторов в Знаменской гостинице в честь М. Н. Каткова, а 17 февраля Крестовский побывал на именинах Достоевского, отмечавшихся в дружеской компании.⁶⁸ Возможно, что до 1875—1876 гг. были и еще редкие встречи. Отзвук их общения этой поры находится в следующем позднейшем воспоминании самого Крестовского. «. . .Ф. М. Достоевский, по собственному его признанию, однажды мне сделанному, принимался иногда за свои большие вещи (п именно за большие), имея в голове одну только общую идею данного произведения, но без всякой выработки плана, который развивался уже потом, как бы сам собою, из самого произведения, по мере того, как оно писалось. Таким образом было, например, с „Подростком“,

⁶⁷ Так о стихах Крестовского писал анонимный рецензент «Голоса» (1863. 25 янв. № 22), недоумевая, зачем его лирический герой предается воспоминаниям детства в публичном доме. Мотив, как видим, близкий одной ситуации в чуть более поздних «Записках из подполья» Достоевского.

⁶⁸ Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 200.

которого дописав почти до середины, автор, по его словам, и сам не знал еще, как и чем закончит». ⁶⁹

Возобновленное знакомство и пребывание в одном общественном лагере не исключало для Достоевского резко критического отношения к новому произведению Крестовского, его антиингилистическому роману «Две силы», печатавшемуся в 1874 г. в журнале «Русский вестник». Pamфлетное изображение польского восстания 1863 г. было поддержано охранительной прессой («Русский мир», тот же «Русский вестник»). Особую позицию занял «Гражданин» Ф. М. Достоевского. В «Заметках досужего читателя» некто Павел Павлов (судя по всему, А. У. Порецкий) писал: «. . .как-то не люблю читать в романах этот польский вопрос в лицах и сценах. Благо был бы он для нас прошедшим, безвозвратно минувшим. Для одних вопрос этот почему-то смешон, для других это открытая, но прикрытая перевязкою рана. . .». ⁷⁰

К первым принадлежал не сомневающийся ни в чем автор «Двух сил». Неубедительным, психологически не мотивированным оказался критику и поворот, происшедший в главном герое романа: «Сила народная, живая, могучая ломит в один как будто миг надутую бреднями душу петербургского либерала-заговорщика». Художественный провал Крестовского автор «Заметок» объяснял установкой писателя на «фотографизм», недомыслием, ⁷¹ что заставляет вспомнить претензии, предъявленные когда-то «Петербуржским трущобам» журналом Достоевского «Эпоха».

Малохудожественность антиингилистического романа Крестовского, истекающая из беспилия авторской мысли, наводила Достоевского на серьезные размышления о нравственном, духовном, интеллектуальном потенциале той консервативной общественной группировки, в которой он оказался сам. (Роман Крестовского в журнальном контексте «Русского вестника» воспринимался в одном ряду с «Бесами».) В записной книжке 1875—1876 гг. находим след этих нелегких размышлений: «Наша консервативная часть общества не менее говенна, чем всякая другая. Сколько подлецов к ней примкнули, Филоновы, Крестовский, поэт, с своей поэмой <. . .>, грязные в семье Авсеенки и Крестовского». . .» (24, 67). ⁷² Запись эта, в той части, что касается Крестовского, осталась непрокомментирована в Полном собрании сочинений писателя.

О какой «поэме» говорится здесь? Видимо, «Отчего завелись паны на полесье» («Заря. 1870. № 12), другой поэмы после скандально известной и еще более «левой» «Фрины» (1862) Крестовский не написал. В поэме о «панах» дано еще более карикатурное, чем в «Двух силах», изображение «польского вопроса». Глухота поэта к этой нестихающей боли России, необыкновенная легкость, с которой он «репал» трагический для русской истории вопрос в духе не сомне-

⁶⁹ Ист. вестн. 1895. № 3. С. 879 (письмо Б. В. Жиркевичу 25 февр. 1892 г.).

⁷⁰ Гражданин. 1874. 4 марта, № 9. С. 275.

⁷¹ Там же. 8 апр. № 13—14. С. 412.

⁷² Публикаторы этой записи в указанном издании неверно раскрыли сокращение Достоевского, надо: «Крестовск(ие)».

вающейся в себе великодержавности, не могли не оттолкнуть Достоевского. Поэма тем не менее была напечатана в журнале «Заря», как будто близком писателю. Данная запись приоткрывает существовавшее у Достоевского глухое недовольство редакционным кружком, в котором Крестовский, кстати говоря, играл не последнюю роль, печатая «очерки из кавалерийской жизни» и «развивая военную часть национальной программы» кружка.⁷³ Еще более скептическим было отношение Достоевского к другому консервативному изданию — к еженедельнику «Русский мир», где Крестовский был ведущим беллетристом.

В указанной выше записи (24, 67) не прокомментированы и слова о «грязных в семействе <...> Крестовских». Запись, судя по контексту, была сделана в 1875 г. 1 апреля того же года в петербургском окружном суде рассматривалось дело о жене Крестовского и отставном поручике Майкове (родственнике А. Н. Майкова), обвиненных в прелюбодеянии: Дело рассматривалось при закрытых дверях, но Достоевскому могло быть известно хотя бы от того же А. Н. Майкова. Впрочем, оно достаточно шумело тогда в петербургском обществе. Было известно, что жалобу в суд подала жена отставного поручика еще осенью 1874 г., но подлинным инициатором процесса был Всеволод Крестовский, давно уже разладивший с семьей и искавший повода для развода.

«Дело» Крестовского имело шумное продолжение, за которым Достоевский внимательно следил. В марте—апреле 1876 г. многие газеты напечатали отчеты о судебном разбирательстве «дела поручика Крестовского, обвиненного в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского». Оба участника процесса были хорошо знакомы Достоевскому, оба когда-то сотрудничали в журналах «Время» и «Эпоха» (и в какой-то мере были тогда конкурентами: опережая «Петербургские трущобы», Н. М. Соколовский печатал в этих журналах очерки арестантских нравов). На процессе и в газетных отчетах было в этой связи упомянуто и имя самого Достоевского. Суть дела заключалась в том, что Крестовский, обвиненный защитником жены Соколовским в небрежении своими семейными обязанностями (Соколовский зачитал на суде письма Крестовского к жене), явился к нему в дом с двумя свидетелями и, не получив согласия на дуэль, пустил в ход кулаки. Безоговорочно в защиту Крестовского, понесшего легкое наказание, высказались лишь «Русский мир» и «Петербургская газета».⁷⁴ Возобладало объяснение, данное этому поступку защитником Соколовского на суде В. Д. Спасовичем: Крестовский преследовал «восстановление репутации посредством насилия».⁷⁵

В записной книжке Достоевского этого времени есть ряд записей, указывающих, что он хотел высказать свою точку зрения на скандаль-

⁷³ Авсеенко В. Кружок. Рассказ по личным воспоминаниям // Ист. вестн. 1909. № 5. С. 446.

⁷⁴ В комментариях к т. 24 Полного собрания сочинений Достоевского указан лишь «Русский мир» (24, 456).

⁷⁵ Пов. время. 1876. 3 апр. № 35.

ный процесс в «Дневнике писателя». Замысел остался неосуществленным, но ясно, что Достоевский собирался говорить о нравственной позиции Крестовского, человека и писателя. «Крестовский о чести» (24, 186) — эта запись Достоевского имеет в виду, очевидно, следующие слова из выступления Крестовского на суде: «Я поступил так, как обязан был поступить, иначе я считал бы себя недостойным ни минуты продолжать далее носить эти эполеты. Я обязан защищать их честь, и буду защищать, пока я жив».⁷⁶ В ответ Достоевский набрасывает: «Крестовский. Честь, берущая свое достоинство в слепом соблюдении известных наружных форм, а не черпающая его из внутренней потребности души человеческой» (24, 195).

Особенно неприемлем для Достоевского еще один смысл происшедшего скандала: защитником узкокорпоративного понятия чести, способным ради ее сохранности унизить достоинство другого человека и проявившим столь злобную агрессивность, был достаточно известный русский писатель. Защитив честь корпорации, он уронил честь русской литературы, исходящей из «внутренней потребности души человеческой», чувства милосердия, органически чуждающейся замкнутой узости и тем более озлобления. Нравственный максимализм и правило «начни с себя» — вот принципы русской литературы, через которые Крестовский легко переступил. «Я спрошу у Крестовского, у писателя, — подчеркивает Достоевский, — как он не видит, что он кругом виноват. Если и вправду, что его оскорбили, — все-таки виноват?» (там же). С такой — высшей, христианской — точки зрения на «дело» Крестовского посмотрел, пожалуй, лишь один Достоевский.

Речь Крестовского на суде, перепечатанная многими газетами, полная эффектных воззваний к «чести», к «самой заветной святыне» русской армии, удивительно согласовывалась с литературными его выступлениями. С 1869 г. он печатал в разных изданиях «очерки кавалерийской жизни», где поставил себе задачей восстановить престиж военных в русском обществе. Так, в рассказе «Буянов — мой сосед» («Заря». 1869. № 4) он реабилитирует тип «грубого бурбона», умиляясь скандальной личностью своего героя, которую якобы оправдывает обостренное чувство чести. Так, рисуется поучительный эпизод в трактире, где сотрапезник Буянова неосторожно назвал его корпоративную щепетильность «смешным допихотством». «Но едва сказал он это, как сковородка с селянкой полетела в его физиономию. Раздался крик испуга и боли». Автор между тем не любит своего героя, который «как ни в чем не бывало» обращается к половому: «Поддай мне новую порцию селянки». С самим Крестовским в этом рассказе происходит то, что мы уже наблюдали в его более раннем творчестве: он говорит больше, чем ему думается. Показательна его глухота к «крику. . . боли», что само по себе, без ведома автора, служит его саморазоблачению.

Достоевский, оказавшись в одном лагере с Крестовским (их имена подчас соседствовали на страницах «Русского вестника»), не позже

⁷⁶ Там же. 6 апр. № 36.

лал считать его своим единомышленником. Такой консерватизм и такое охранительство, не обеспеченные гуманистическим, нравственным потенциалом, наводили его на грустные размышления о «банкротстве консервативной партии» (24, 113). Членов этой партии он мечтал «научить Некрасову» (26, 200), но можно ли было это сделать с поздним Крестовским, столь далеко оставившим «некрасовские» идеалы своей юности? Сокрушенные сетования Достоевского на этот счет записал в последние годы его жизни Е. Н. Опочинин: «Беседа о Крестовском: „мало любви к людям“; прежние стихи».⁷⁷ Запись конспективна, но смысл ее в свете всего сказанного выше достаточно очевиден.

⁷⁷ Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 473.